

Григорьева Наталья Ионовна
Руководитель Эвенского театра, с. Эссо

Обряд «Медвежий праздник»

«Медвежий праздник» — по-эвенски называется «уркачан», а переводится на русский язык — «мужской». Почему именно «мужской»?

У эвенов с древних времен запрещается лишний раз говорить о медведе, особенно женщинам. Даже сказки рассказывать запрещалось. Вот я сейчас начала говорить о медведе. Если бы здесь сидела древняя эвенка или старик, они закричали бы на меня: «Тонгкэкич!» («Нельзя тебе говорить об этом!»). К сожалению, у нас, эвенов, традиция отмечать медвежий обряд исчезла, но, слава Богу, всегда были люди, которые занимались исследованием культуры коренных народов, и, благодаря им, у нас остались материалы. Я нашла работу У. Г. Поповой, которая изучала этот древний обряд.

Обряд «Медвежий праздник» состоит из нескольких моментов: охота на медведя, разделка туши, ритуальная трапеза и захоронение черепа.

Слово медведь по-эвенски — «НАКАТ». Эвены различных регионов России медведей называют различными именами в иносказательно-почтительной, ироничной форме. Его называют «АМЫКА» — баюшка, «КЭКИ» — старенький или крестный, «ЭТИКЕН» — старик, «ЯРЛАНДЯ» — темный, черный, «АМАГА» — дядюшка, «АГДЫ» — гром издающий, «КОБАЛАНА» — трескучий, «ХУКЭГЭН» — шатун, «ОКИСЭН» — шатающийся. В Быстринском районе часто называют «ПЫЦЫЛАН» — трясучий.

Эвены занимаются охотой на медведя только в определенное время года: в начале зимы при выпадении первого снега, и в конце зимы, когда еще снег не начинал таять. О начале охоты никогда вслух громко не сообщали. Никто никогда не хвастался. И вообще, хвастаться было запрещено. Обычно эвены говорили «тонгкэкич», то есть грешно хвастаться, грешно говорить о медведе. Особенно летом, на природе, люди, зная, что медведь может находиться рядом, обязательно произносили магическую формулу: «Ты не ходи рядом с нами, у тебя же этого всего вдоволь, ты тут не ходи. Мы тебя не обзываем, не дразним, иди своей дорогой, а мы сами по себе».

А теперь расскажу об охоте.

Охотник шел искать берлогу. Когда он находил берлогу, подходил к ней и обязательно опять произносил магическую формулу для спящего в берлоге медведя: «Хиэтикэн игдэчкырэр» — («Не подавай голоса»). Потом, возвращаясь домой, он на деревьях оставал пометки, чтобы не потерять дорогу, когда будет возвращаться обратно.

Приходя домой, он молча начинал готовить свои охотничьи снаряды. Сосед, который знал, что он уходил на охоту, увидя готовящегося охотника, ничего не спрашивал, — он сразу догадывался о том, что охотник готовится на медведя. Сосед уходил молча и тоже начинал собираться. И остальные охотники молча собирались и снаряжались на охоту. На рассвете охотник в снаряжении выходил из стойбища, а за ним

шли молча его товарищи. Подойдя к берлоге, они также молча расходились, рассматривали, а потом, взявшись за руки, произносили опять же магические слова на эвенском языке: «Дедушка, наша бабушка, а твоя старшая сестра Дантра, велела говорить тебе: «Не мучай нас, умри!».

После этого охотники рубили две крепкие и длинные лиственницы, втыкали их перед входом в берлогу крест накрест. Завязывали арканом верхушки этих лиственниц, а один охотник взбирался на берлогу и начинал «шевелить» медведя. Разъяренный медведь выскакивал из берлоги, но вот эта крестовина его немного задерживала — и охотники успевали выстрелить в медведя. Затем, убедившись в том, что медведь убит, они вытаскивали его наружу, мордой поворачивали к востоку, раскрывали пасть и всовывали палочку сантиметров 40 — это означало, что дух медведя вышел. Оставив тушу, они возвращались обратно в стойбище. Охотник, нашедший берлогу, улучив момент, чтобы женщины не увидели, потихоньку подходил к старейшине (нимак) и также потихоньку ему сообщал о найденной берлоге и охоте. И нимак собирался вместе с охотниками обратно в лес — приходили к берлоге и начинали заниматься разделкой туши.

Разделка туши проходила в сопровождении интересных действий. Они проходили обязательно с напевами.

И потом, в зависимости от того, с какой части туши снималось мясо, произносились соответствующие восклицания. Например, если шкура снималась около глаз, то нимак (старейшина) кричал криком ворона: «Кох — Кох!». Когда около ушей снимали шкуру, старейшина опять своим свистом это показывал. Снимая шкуру с ног, восклицали: «Рэ — тэ — тэ — тэ — тэ!». Старейшина при разделке туши пел песню: «Рамакчана, киргаддан, дилики киргаддан, киргаддан». Остальные хором это подхватывали. Переводятся эти слова как: «Наши дорогие мыши грызут, горностаи грызут».

Когда же снимали сало, то говорили, что это нательная рубаха у медведя. Разделав тушу, верхнюю часть сразу увозили в стойбище, а остальную часть оставляли у берлоги. Придя в стойбище, старейшина начинал готовиться к празднику. Женщины, увидев приготовления к празднику, тихо уходили. Особенно за этим следили старые женщины. Всех молодых женщин и детей уводили подальше от стойбища. Строго следили, чтобы никакая молодая женщина не любопытствовала, что происходит в стойбище.

Когда приготовят мясо, возле очага садились охотники по старшинству. В центре — старейшина, около него по правую руку — охотник, нашедший берлогу, и потом другие охотники по кругу. Нимак вытаскивал из котла мясо, медленно нарезал на мелкие куски. Если это было мясо от части сердца, он говорил так: «Это наши камешки». И, получив на кончике ножа мясо, охотник бросал его в рот, как камешки. Если глаза вытаскивал — разрезал, нимак восклицал криком ворона: «Кох — кох — кох». Охотники за ним повторяли. Когда подавался язык, приговаривали: «Эрэк калдыкич ингканти» (наш язычок, высовывающийся при тяжелом дыхании), при этом обязательно делали определенный хрип: «Эххэхэ, эххэ», как будто пересохло в горле.

Особые слова говорили, когда ели сердце, мясо с передних конечностей, заднюю часть туши...

После того, как первая часть трапезы прошла, начинались среди мужчин игры, состязания. Потом закладывалась вторая часть мяса в котел. Когда мясо было готово, приглашались мальчики — подростки. Здесь тоже проходили интересные действия.

Старейшина подзывал мальчиков, приказывал, чтобы ему подали сажу с медвежьим жиром. Этим медвежьим жиром с сажей старейшина рисовал мальчикам усы. Прежде чем подать мясо мальчикам, приносили кольца, которые были изготовлены из карликовой березы. И через эти кольца мальчикам подавали мясо. При этом обязательно говорили, что грызть и рвать большими кусками мясо нельзя. Надо есть небольшими кусочками.

Во время торжества кости никогда не раскидывали, собак специально подальше от стойбища привязывали. Ни в коем случае не допускали нехорошее отношение к костям.

А женщин приглашали только лишь под конец пиршества. Их угощали мясом от задней части туловища. Ни в коем случае не разрешалось есть женщине глаза, голову, сердце. Если женщина не хотела есть медвежье мясо, никто ее не заставлял. Старшая женщина резала мясо мелкими кусочками и обязательно бросала кусочек в костер: жертвоприношением как бы искупала вину.

После пиршества, а это уже было общекolleктивное пиршество, начинался коллективный танец «Хэде». Танцевали до самого рассвета. На рассвете женщины уходили в юрты, а мужчины собирались опять у старейшины. Начинали готовиться к самому яркому, я бы сказала, к прекрасному действию — подготовке к захоронению останков медведя. Перед захоронением проводили обряд, который называется наряжение «аннгадык».

Медведю, если это был самец, на глазные отверстия обязательно надевали очки, сделанные из коры или бересты. На ушные отверстия его надевали серьги. Если это была самка, ей, кроме всего этого, надевали еще головушку, косы, сделанные из того же материала. Потом на фаланги пальцев медведице надевали перстни, а на запястье — браслеты. При этих действиях обязательно исполнялась песня. Если наряжали череп медведя, то исполнялась уже другая песня с такими словами: «Гуло, гуло!». А что значит: «Гуло, гуло?». Это слово от глагола «гулдай» — разжечь, это значит воодушевлять и разжигать праздники. Вот песня «Гуло».

Гуло, гуло, гуло!
Торгани имеет обычай,
Гуло, гуло, гуло!
Женатых людей созывай,
Гуло, гуло, гуло!
Дедушка, не обижай.
Гуло, гуло, гуло!
Подобно вороне кричу!

Гуло, гуло, гуло!
Ставь мышью скребу!
Гуло, гуло, гуло!
Не обижай!
Гуло, гуло, гуло!
Просверленный треножник тебе поставлю,
Гуло, гуло, гуло!
Красивую отесанную избу тебе поставлю,
Гуло, гуло, гуло!
Яркие очки тебе надену,
Гуло, гуло, гуло!

А когда наряжали конечности, то произносили: «Мы тебе надели очень красивые одежды, ты отправляешься в прекрасную даль... и т. д.». После того, как нарядили останки медведя, клали их на специальный помост, закрепляли, чтобы все держалось, не упало; этот помост с черепом уносили подальше от стойбища. Следили, чтобы никто из женщин не видел. Помост подвешивали на близко растущих деревьях. Медведя хоронили именно так, как хоронили в древности эвены своих сородичей. Не в землю закапывали, как сейчас, а именно подвешивали на березы.

Я хочу объяснить, почему женщинам так строго запрещалось присутствовать на большей части обряда. Они были как гости, присутствовали на празднике лишь на второй день, им давали есть мясо только из задней части туловища медведя.

Когда я была совсем маленькой девочкой, моя бабушка часто рассказывала легенду.

Когда-то в стойбище эвенов пропала женщина. Долго ее искали. Однажды она появилась, но не одна, а с двумя детьми. Дети были разные. Один был Человек, а другой — Медвежонок. Впоследствии женщина стала стыдиться, что у нее ребенок — медвежонок. Когда дети выросли, она позвала сына — Человека, воодушевила его на убийство сына — Медведя. Эту легенду потом я читала в книгах.

Умирая, человек — Медведь завещал сородичам соблюдать ритуальный обряд. Вот такими словами он говорил: «Я тобой побежден, Торгани. Ты меня хорошенько похорони. Меня вы всегда будете промышлять. Отныне медведей много станет. Теперь ты, после этой добычи, всегда устраивай праздник «Уркачак». Собирай много людей, чтобы они угощались, пили, ели вместе. Всех приглашай, которые близко живут, ни одного не обходи. У меня была человеческая мать. Голову, глаза, сердце не давать есть женщине, потому что она не захочет есть своего бывшего ребенка. Мою голову хорошенько похороните, повесьте на дерево, содрав с головы шкуру, на глазные отверстия положите специально приготовленные палочки, закрепите их, кости вместе положите на специальный помост. Сделайте мне очки из бересты или что —нибудь другое. Наденьте очки на голову. Повесьте череп на дерево, затесывая дерево зарубками, тогда медведь не будет охотиться на человека своими зубами».

Вот потому женщина не принимала во время медвежьего праздника активное участие.

К сожалению, социалистический образ жизни очень сильно изменил психологию эвенгов. Они забыли традиционный праздник. Забыли, что охотиться надо на медведя в определенное время года. Сейчас, хотя человек более цивилизованный, он очень варварски относится к Природе. Далеко за примерами не надо ходить. Местные коренные жители, которые живут в угодьях, рассказывали о том, что приезжие охотники, убив медведя, забирают только самое ценное — желчь, а остальное просто выбрасывают. Это варварство и надругательство над Природой. Жизнь показывает, что за грехи человеку приходится горько расплачиваться. Надо помнить эвенское слово «тонгкэкич» — «нельзя», «запрет», «грешно».